

Симония Н.А.

Я собираюсь говорить о некоторых объективных и субъективных причинах развала СССР. Во-первых, в самом начале, в первый период жизни этой страны, которая, как известно, образовалась в 1922 году, а не в 1917-м (я имею в виду СССР), уже заложено было то, что в дальнейшем сделало неизбежным развал. Я согласен с прозвучавшим здесь научным определением империи, хотя сразу оговорюсь, что эта империя была не совсем обычной империей. Но об этом несколько позже.

Первая и самая главная причина развала СССР заключается в том, что нам не удалось избавиться от сталинского представления о том, будто мы начали и 70 лет строили социализм. И это несмотря на то, что каждому нормальному российскому марксисту, читавшему Маркса, Энгельса и Ленина, должно быть ясно, что Россия в начале XX в. была одной из самых последних стран, где можно было начинать строительство социализма. Страна была совершенно не готова для этого, уровень развития народа абсолютно неадекватен, и предстояло еще пройти целую историческую эпоху «догоняющего развития» вслед за высокоразвитыми странами.

И вот это обстоятельство, а именно то, что мы начали якобы строить то, что на самом деле невозможно было построить, предопределило тупиковость нашего развития. Ленин осознал это и попытался избежать этой тупиковости. Он опасался утверждения в России «царства крестьянской ограниченности», как он выразился в беседе с иностранным корреспондентом. И Ленин предложил весьма конкретный проект выхода из отсталого состояния России через НЭП, т.е. через «особый госкапитализм». К сожалению, Ленин умер, не успев довести дело до «точки необратимости», а Сталин вскоре же после его смерти приступил к демонтажу успешно развивавшегося госкапитализма. Характерно, что Сталин при жизни Ленина вообще ни разу не произносил это слово «НЭП».

Вы можете посмотреть все тома Собрания сочинений Сталина до смерти Ленина и убедиться в том, что он умудрился нигде ни разу не упомянуть слово «НЭП». Только после смерти Ленина он высказался в том духе, что ну да, Ленин сказал, что НЭП – это всерьез и надолго, но он же никогда не говорил, что это навсегда. С помощью подобной демагогии он похерил НЭП и заставил страну развиваться в течение 70 лет по тупиковому варианту. И даже после смерти Сталина у нас никогда не было возможности подсухитировать по поводу вариантов нашего общественного развития, поставить под вопрос социалистичность нашего строя. В Китае была такая возможность. Даже при Мао Цзэдуне была возможность, хотя она была очень коварная: пусть расцветают сто цветов, потом эти цветы вырастят, а Мао взял косу и все эти «цветы» скошил. Но тем не менее была дискуссия и она оставила следы в головах китайцев. А после смерти Мао Цзэдуна дискуссии развернулись с новой силой и с огромным практическим результатом – Китай вернулся к своему варианту НЭП'а и достиг стремительного экономического роста.

У нас таких дискуссий не было. Наши дискуссии сводились к тому, что товарищ Суслов выступал и разъяснял нам, какой у нас социализм – «реальный» или «развитый» или еще какой-то. То есть была пустопорожная игра в слова, но никакой серьезной научной дискуссии о том, что мы все-таки уже построили и будем дальше строить, никогда у нас ведь не было.

Поэтому эта псевдосоциалистическая модель настолько укоренилась, что не позволила выйти за ее рамки даже тогда, когда у узкого круга лиц, особенно у премьера Косыгина, созрело понимание того, что наша старая система промышленности уже не работает, отраслевая система во главе с министерствами пробуксовывает и появилась идея формирования вертикально-интегрированных объединений, на языке политэкономики это означало бы создание своеобразных социалистических монополий. Но даже и это провалилось, и косыгинская реформа вообще вылилась в пародию, потому что всё, что было сказано хорошего и полезного о реформе (в газете «Правда» это заняло целую полосу) было похерено в конце документа, где говорилось, что проведение этих реформ поручается опять тем же министерствам. Министерства, естественно, не пошли на самоубийство, и в итоге всё сохранилось, как это было до того. То есть мы даже внутри своей квази-социалистической, т.н. социалистической системы не смогли технически (я уже не говорю – социально-экономически, формационно), даже технически не смогли перейти на более высокую ступень развития существовавших производственных сил Советского Союза.

Второе, что заложил Сталин в смысле неизбежности развала Советского Союза – это была многонациональная империя. Наша империя принципиально отличалась от классических европейских, строившихся по принципу метрополия-колония, как, например, в случае с Великобританией. Там в самой Англии формировалась национальная государственность, а её имперскость в том, что у нее были заморские владения: полиморф владыка и т.д. Но колониальные структуры были во вне метрополии, где развивался чистый капитализм и т.д. А у нас-то это было всё в рамках единого государства – самые разные структуры. И поэтому надо было проделать гигантскую работу, чтобы это многообразие превратить в гражданское общество, чтобы была национальная российская государственность – не имперская, а национальная государственность, где единицей общественной ячейки будет гражданин, а не «этнический человек». Но об этом нельзя было даже заикнуться, потому что Сталин сказал о республиках, что они национальные по форме, но социалистические по содержанию. А так как этого содержания, в общем-то, не было, потому что никакого социализма не было, то, значит, оставалась только национальная форма, и постепенно эта форма проникала внутрь сознания, особенно руководства республик, и в итоге постепенно зрела та бомба, которая и взорвалась во время перестройки.

Как только послабление наступило во время перестройки, как только не только тоталитаризм, который начал постепенно разрушаться сразу после смерти Сталина, но даже пришедшая на смену авторитарная система начала давать слабину, особенно в период горбачевского правления, вот тут всё и взорвалось, потому что в республиках возобладало этническое самосознание. Элементы советской гражданственности оказались слабее этнического самосознания, к которому усиленно стали апеллировать локальные элиты. И поэтому для усиления сепаратизма достаточно было придти, скажем, в Грузию Гамсархурди, который, кстати говоря, состоял в свое время на учете в психдиспансере (Тбилиси был тогда маленький город, все знали друг про друга всё), и провозгласить главенство этнического принципа: в Грузии живут только грузины и всё. Естественно, что до сих пор мы расклебываем (и они, прежде всего, расклебывают) проблему Абхазии, Осетии и т.д. и т.п. А ведь там ещё есть достаточно компактные армянская и азербайджанская этнические группы.

Большой импульс преобладанию этнического самосознания и сепаратистских настроений в республиках Советского Союза придала внутренняя политическая борьба за власть в самой России. Появление феномена Ельцина, безудержно стремящегося к власти и следующего принципам советников из его ближайшего в то время окружения в духе – «пока существует СССР, мы не избавимся от Горбачева», поездки Ельцина по стране с лозунгом «берите столько суверенитета сколько сможете проглотить», наконец, губительное перетягивание «финансового каната» или «бюджетная война» РСФСР против СССР и чуть не развалило и саму Россию тоже.

Поэтому, на мой взгляд, эти два главных фактора – общее социально-экономическое тупиковое «развитие» плюс национально-этнический момент, конечно, предопределили неизбежность развала СССР.

Я с большим удовольствием прочитал 5 декабря в газете «Коммерсантъ» статью Дмитрия Фурмана, который здесь присутствует. Единственное, что меня не устраивает в этой статье, вернее, в её заключительной части – это абсолютизация психологического момента и полное игнорирование экономического аспекта. Да, в советское время не сложился единый внутренний национальный рынок, была административно-бюрократическая система во главе с Госпланом и Госсоном, и когда их убрали, то обнажилось, что под этим не было никакой рыночной экономики, никаких чистых экономических взаимосвязей. И тем не менее, нельзя отрицать наличие некоторой кооперации, особенно между Украиной, Белоруссией и Россией, в меньшей степени – со всеми остальными республиками. И эти кооперативные связи могли дать возможность провести трансформацию СССР, трансформацию полную в духе новоогаревского процесса или какой-то другой модели, они могли позволить нам плавню, градуально совершить этот процесс трансформации СССР, может быть, даже с отделением каких-то этнических групп и республик. Ведь существует же мировой опыт, который, к сожалению, игнорируется, не учитывается и не используется на практике. Взять хотя бы опыт колониальной Индии, которая объединяла в своих рамках нынешние Пакистан и Бангладеш. Но она стала более-менее гомогенным государством после того, как от нее отделился Пакистан, а из него выделились еще и Бангладеш. И тогда Индия стала хотя и не совсем, но все же более однородной. То есть уровень ее гомогенности повысился до «терпимого» уровня, позволившего этой стране существовать как единое целое государство, и в котором сейчас уже действуют экономические рыночные взаимосвязи, работающие на скрепление этой индийской государственности. У нас ничего этого не произошло.

Теперь два слова о перестройке и о субъективном факторе развала СССР. Для меня главная причина того, почему не удалось плавню и градуально изменить ситуацию в стране, заключается в том, что мы опять же никогда не хотим учиться на чужом опыте. Мы всегда считаем, что мы – самые главные, мы – самые умные, что у нас свой особый путь и т.д. Но есть какие-то самые общие закономерности, которые – что в Китае или Вьетнаме, что в России – совершенно одинаковы. Я не хотел бы, чтобы мои слова были восприняты как совет, что нам надо было копировать китайскую модель. Ни в коем случае. Но я, повторяю, что есть определенные закономерности трансформации тупиковых моделей в ту или иную рыночную систему.

Так вот китайцы сделали именно реформу, а не революцию, которой сейчас гордится правая рука Гайдара – господин Мау, который каждый раз, споря с оппонентами, говорит: да, мы – революционеры, наша задача была всё разрушить. Но, спрашивается, зачем было всё разрушать? Китайцы ничего не разрушили, но они проделали огромный путь постепенного реформирования, создания нового и затем преобразования старого, после того как Ден Сяопин вернулся к власти уже в третий раз.

В том и заключаются преимущества реформы, что жизнь для людей должна улучшиться – пусть немного или среднее, но она должна улучшиться, а не ухудшиться. Это, во-первых.

Во-вторых, она должна не разрушать. Она к старому должна добавлять новые структуры, функционирующие на новых основаниях и постепенно вливающие на старую экономику, обволакивающие её и втягивающие её в новые рыночные отношения. Китайцы так и поступили. Они сохранили старый промышленный госсектор, хотя он был абсолютно нерыночный «социалистический», как и у нас. Но они наряду с этим допустили развитие среднего и малого и даже теперь крупного частного предпринимательства. Лишь после этого началось (и то не с первого захода) коммерциализация госсектора. В итоге страна возродилась. Страна стала теперь уже догонять Америку, а не Португалию, как мы это десять лет делали. Это была настоящая реформа.

Третья наша ошибка в том, что мы нарушили главное правило – никакую серьезную экономическую реформу нельзя проводить в нестабильном государстве. То, что мы сначала занялись политикой, занялись политической модернизацией и политическим реформированием, это абсолютно дестабилизировало ситуацию в стране. Мы все при этом жили, и мы все это знаем.

Ведь и в политических преобразованиях можно было постепенность соблюсти. Так нет, нашлась радикальная часть интеллигенции (некоторые её представители в этом зале), которой все хотелось сделать сразу. Вот Горбачев сказал так, а мы вот скажем еще хлеще. Горбачев пошел вперед, а мы пойдём еще дальше. И произошло забегание вперед волны радикализма, псевдореволюционного радикализма. Почему говорю – «псевдо»? Потому что не было же основания для этого никакого. Оно привело нас к тому, что в итоге мы настолько забежали, что откат стал неизбежным. И причем откат принял самые неприятные формы. Во-первых, во время отката разрушилось само государство, и, во-вторых, у нас возник не просто капитализм (не говоря уже о цивилизованных его формах), а самая худшая форма капитализма, какая только может быть на Земном шаре на сегодня.

Бюрократический капитализм (я предпочитаю этот термин) существовал во многих странах, но где-то он был с исторической и экономической точки зрения позитивный, как, например, в Южной Корее, Японии, Сингапуре, а в каких-то странах он носил абсолютно разрушительный и паразитический характер, как, например, при президенте Сукарно в Индонезии и некоторых других странах Азии и Африки.

Мы повторили абсолютно индонезийскую модель при Сукарно, когда всё, весь государственный сектор был разворован, обогатились олигархи, денежные средства концентрировались на их личных зарубежных счетах, обнищало все население, вымыло вообще средний класс, его зачатки и т.д., и в итоге мы имеем то, что мы имеем. Нас теперь по этим децильным показателям сравнивают с Латинской Америкой, да и то многие латиноамериканские страны уже все-таки вперед ушли от того, что у нас происходит. То есть абсолютное расслоение.

Суммируя даже то немногое, что было сказано выше, можно сделать вывод, что развал Союза был неизбежным, но он вполне мог принять не разрушительные

формы, а характер медленной, постепенной трансформации того, что было наработано до этого.

Я вполне согласен с репликой о том, что народ не хотел никаких кровавых, революционных изменений. Более того, не только не хотел, но он даже не думал, что это возможно. Ведь все время забывают почему-то про референдум, во время которого даже на Украине 80 процентов проголосовали за сохранение Союза в обновленной форме. Но кто-нибудь из политиков с этим посчитался? Народы просто не хотели этого. И многие годы после развала, когда я случайно попадал на Украину или встречался с украинцами здесь, в Москве, они все говорили, что не понятно, зачем всё это сделано было, когда мы так хорошо вроде того что жили, свободно ездили друг к другу, женились друг на друге и т.д., и т.п. Сегодня многие из тех, кто всячески содействовал развалу СССР, постоянно говорят о «цивилизованном разводе». Я еще раз соглашусь с Дмитрием Фурманом, который утверждает, что не очень-то цивилизованно произошел этот развод. Дурно от него пахнет.

Спасибо за внимание.